

В России надо жить долго...

Возвращаясь из поездки по Италии, в аэропорту Мальпенза я прошла паспортный контроль, и перед тем как войти в салон самолета, сняла с тележки израильскую газету «Вести». Усевшись в кресло и открыв разворот, я увидела некролог Лидии Борисовне Либединской, подписанный — спасибо друзьям! — и моим именем тоже.

Вдох застрял у меня в горле. Видимо, почувствовав мое внезапное оцепенение, сидевшая рядом подруга заглянула в газету, прочитала слово «скоропостижно», ахнула (она была знакома с Либединской)... и вдруг сказала: «Счастливая!». У подруги мама уже полгода умирала в больнице, подключенная к медаппаратуре.

Затем всю дорогу я смотрела на облака, вспоминая, что каких-нибудь несколько недель назад мы все сидели за столом у нас дома, в Маале-Адумим, и я любовалась нарядной, элегантной, как обычно, Лидией Борисовной, а позже, помогая убирать посуду, мой муж, повторял: «Восемьдесят пять лет! Какая

6 острая память, какой взгляд ясный, какой великолепно-юмор... Вот счастливая!»

В ней действительно в первую очередь поражали удивительная ясность мысли, сочетание доброжелательности с независимостью и абсолютной внутренней свободой.

Никогда не видела ее ворчащей, раздраженной, обозленной на что-то или кого-то.

Знаменитая, уже растиражированная фраза Либединской: «Пока мы злимся на жизнь, она проходит».

Однажды я услышала от нее:

— Моя бабушка говорила: «В молодости надо делать то, что хочется, а в старости НЕ делать того, чего НЕ хочется». И еще она говорила: «Запомни три НЕ: НЕ бояться, НЕ завидовать, НЕ ревновать. И ты всю жизнь будешь счастлива»...

Думаю, Лидия Борисовна Либединская, урожденная Толстая, была счастливым человеком.

Причем, бабушкиному завету «не бояться» часто следовала буквально.

— Лидия Борисовна! — восклицала я в очередной раз, обнаружив, что дверь квартиры не заперта. — Вы что, хотите, чтобы вас ограбили?!

Она невозмутимо отвечала:

— Пусть лучше один раз ограбят, чем всю жизнь трястись от страха.

А когда однажды ей позвонил из Переделкина сосед по даче, траурным голосом сообщив, что ночью Либединских, взломав дверь, ограбили, она спокойно отозвалась:

— Очень удачно, а то я как раз ключи от дачи потеряла...

Мне повезло довольно тесно общаться с Лидией Борисовной Либединской в те три года, с 2000-го по 2003-й, когда я работала в Москве. И после каждой встречи я с восхищением думала, что вот от такой бы старости не отказалась: истинная женщина до мельчайших деталей, Лидия Борисовна всегда выглядела так, словно именно сегодня ее должны были чествовать в самом престижном зале столицы. Бус, колец, серег и прочей бижутерии ко всем нарядам у нее было не меньше, чем у какой-нибудь голливудской дивы, разве что не бриллиантов и изумрудов, а любимых ею полудрагоценных уральских самоцветов в серебре, львиную долю которых она покупала в лавочке рядом с домом, в Лаврушинском.

Вообще тратила деньги со вкусом и удовольствием. Зять, Игорь Губерман, говорил, бывало: «Моя теща ходит со скоростью ста шекелей в час», — это, разумеется, измерение скорости на те зимние месяцы, когда Лидия Борисовна оказывалась в Иерусалиме, где живут две дочери и целый отряд внуков и правнуков.

Она вообще любила и понимала толк в красивых вещах, не обязательно дорогих, и дарить любила, и как-то всегда подарок приходился в самое яблочко. Я сейчас хожу по дому и то и дело натыкаюсь на подарки Лидии Борисовны, ставшие любимыми общими вещами, привычными глазу и руке.

Однажды она уехала вот так на зимние месяцы в Израиль, и в Москве стало пусто. Я с работы позвонила в Иерусалим. Взял трубку Игорь.

8 — Как там моя Л.Б.? — спросила я. — Вы ее не обижаете?

— Кто ж ее может обидеть, — сказал он. — Здесь вокруг нее три дочери — Тата, Лола и Ниночка. Я их вожу по всей стране с утра до вечера. И всем говорю, что у меня сейчас не машина, а Малый театр: сразу «Три сестры» и «Гроза».

И мы одновременно рассмеялись — неутомимость и страсть к путешествиям и поездкам «тешеньки» была общеизвестна. Обожала разъезжать по Израилю. В Иерусалиме просыпаясь по утрам, спрашивала: «Ну, куда сегодня едем?»

Домашние старались украсить ее «курортные зимы» поездками, встречами, интересным гостеванием... Как-то Игорь договорился о вечере Либединской в одном из хостелей в Иерусалиме — это муниципальные дома для пожилых репатриантов. Лидия Борисовна с успехом выступила, ей вручили небольшой гонорар. Она была чрезвычайно довольна. По пути к машине споткнулась о бордюр — но обошлось, не упала! — и спокойно заметила:

— Глупо, имея такие деньги в кармане, ломать шейку бедра.

У меня нет ни малейшего сомнения, что гонорар был потрачен тут же на какую-нибудь восхитительную чепуху — подарки, сувениры, какие-нибудь бусы, кольца для салфеток...

* * *

В отрочестве, в музыкальной школе я училась у строгой учительницы, одиночкой и суровой старой де-

вы, — она славилась не слишком церемонными педагогическими приемами. Чувствительно тыча острым пальцем мне между тощих лопаток, покрикивала: «Сидишь, как корова! Держи спину! От манеры держать спину зависит манера игры!»

Почему я вспомнила ее сейчас, когда пишу о Либединской?

Потому что в присутствии Лидии Борисовны я неизменно внутренне подбиралась, внимательней следила за произнесенными словами, ясно ощущая, что от манеры «держать спину» зависит манера жить.

Я никогда не вела дневников и вообще чужда всякой «архивности», всякой заботе о конспектировании прожитых дней, но иногда после встреч с друзьями записываю обрывки диалогов, шутки, какие-то детали — обычная скопидомская писательская работа, когда не можешь позволить, чтоб и колосок упал с твоей телеги... На днях, неотвязно думая о Лидии Борисовне, перетрясла бумажные свои манатки, переворошила закрома... Там несколько записей о Либединской, сделанных бегло, почти конспективно, впрок — чтобы не забыть, не растерять. Все вперемешку, по-домашнему, без указания дат... Как правило, потом, в работе, такое сырье переплавляется, преобразуется литературно, выстраивается пословно-повзводно, чтобы занять необходимое, точное, *свое* место в каком-нибудь рассказе, романе или эссе...

Но именно эти записи — летучие, вневременные — мне вдруг захотелось оставить в том виде, как они записывались: на ночь глядя, после застолья, не

10 всегда на трезвую голову, под живым «гудящим» впечатлением от общего разговора...

* * *

«...Вечер у нас дома с художником Борисом Жутовским и Л.Б. Они перемывают кости знакомым — остроумно, изящно и без той дозы яда, которая делает разговор сплетней. Впрочем, рассуждая о судьбе писателя Н., касаются его жены, якобы страшной стервы, отравившей ему жизнь, отвадившей друзей от дома... наперебой вспоминают очередную невообразимую историю, связанную с этой дамочкой. Я некоторое время заморожено слушаю двух блестящих рассказчиков и наконец вслух замечаю, что бабенка-то, по всему видать, редкий экземпляр...

На что графиня Толстая уверенно отвечает: “Да что вы, таких навалом!”

Чуть позже она просит “стаканчик воды, можно из-под крана”. Я ахаю и принимаюсь перечислять ужасы про сырую московскую воду, рассказанные недавно одним микробиологом. На что Л.Б. невозмутимо замечает: “Не понимаю, чем вареные микробы лучше сырых...”»

* * *

«...Сегодня были в гостях у Лидии Борисовны, сидели по-домашнему, на кухне, среди ее потрясающей коллекции кухонных досок разных стилей, стран, авторов и времен. Вся стена завешана “без-просветно”.

Я немедленно вспомнила рассказанный Губерманом случай — о том, как он с Л.Б. однажды в Иерусалиме навестил писательницу Руфь Зернову. И как “тещенька” весь вечер мечтательно глядела на две расписные доски у той на стене, а потом проговорила: “Какие у вас доски красивые и, главное, почти одинаковые... А у меня ни одной нет...”

— Понимаешь, Руфи ничего не оставалось, как снять со стены одну доску и подарить теще, — рассказывал Игорь. — Видно было, как не хотелось ей расставаться с вещью... Она чуть не плакала. Но деваться-то некуда. А теща не кривила душой — у нее здесь, в Израиле, действительно нет ни одной расписной доски. В Москве, правда, триста пятьдесят... Когда мы вышли, я спросил: “Тещенька, а на что вам сдалась эта паршивая дощечка?” Она пожала плечами и жалобно так: “Сама не знаю... Как-то неудобно получилось...”

Сначала говорили о том, что сейчас принято среди интеллигенции ругать колоссальное строительство в Москве, помпезность, безвкусицу архитектуры.

— А мне нравится, — сказала Лидия Борисовна. — Я люблю размах! Москва такая красавица: чисто, освещение роскошное... Это все любители обшарпанных стен и поэтических развалин тоскуют по помойкам...

И заговорила о прочитанной только что книге воспоминаний Александра Леонидовича Пастернака, брата поэта. Тот в двадцатые годы приехал в Берлин к родителям и был потрясен комфортабельностью быта: бесшумностью газа, теплом, светом, уютom...

12 — Это как раз в те годы, когда в России была полнейшая разруха, керосинки, примусы...

— Но ведь до революции, до всего этого кошмара... — попыталась возразить я.

— И до революции было то же самое, — отмахнулась Л.Б. — Но до революции была прислуга. Что касается двадцатых годов, я их прекрасно помню, эти проклятые двадцатые годы. Совершенно невозможное существование!

Вот чего в ней нет — поэтизирования “своего времени”. На историю страны и людей смотрит совершенно трезвыми и порой беспощадными глазами. “Графинюшка”, как называют ее друзья, — ей незачем заискивать перед родиной. Поэтому она во все времена тут уместна и везде “своя”...

Любопытная байка из третьих рук: однажды в ЦДЛ к столику, за которым Л.Б. сидела с друзьями, подвалил нетрезвый писатель-почвенник, и чуть не со слезою в голосе воскликнул:

— Лидия Борисовна! Вы же русская графиня, как вы можете якшаться со всем этим сбродом иностранцев... Ваше место рядом с нами, русскими писателями, ведь ваши предки... и наши предки...

На что графиня якобы ответила:

— Милейший, мои предки ваших предков на конюшне секли...

(Странно, что я так и не удосужилась подтвердить подлинность случая у самой “Графинюшки”... Но точность реакции, и ее неповторимая интонация — весьма достоверны.)»

«...Приехал в Москву Губерман, тут и Михаил Вайскопф оказался. Мы собрались у нас. Игорь пришел с Лидией Борисовной, позже забежал Виктор Шендерович с Милой... И получился чудный легкий вечер. Много хохотали — за столом-то все сидели первоклассные рассказчики.

Невозможно вспомнить все, о чем говорили. Но вот — о диктаторах, в частности, о Чаушеску. При каких обстоятельствах его расстреляли.

Лидия Борисовна, возмущенно:

— Самое ужасное то, что им с женой перед смертью мерили давление. Какой-то сюрреализм! Ну, зачем, зачем им давление мерили?!

Вайскопф обронил:

— Проверяли — выдержат ли расстрел.

Все захохотали, а Шендерович вообще смеялся, как безумный, и заявил, что завтра едет в Тверь выступать и на выступлении обязательно опробует эту шутку».

* * *

«...Когда я организовываю очередной семинар на темы культуры, общества, толерантности или еще чего-нибудь эдакого, я всегда приглашаю Лидию Борисовну. Прошу выступить, сказать “что-нибудь”. Даже если это касается какого-нибудь специального вопроса, например, по изобразительному искусству. И вот что поразительно: она никогда не выступает “просто так”, для зачина.

14 Все, что она говорит, убедительно, точно, интересно и касается сегодняшнего дня в самом животрепещущем смысле слова. Дал же Господь ясность и масштабность ума! — толстовские гены.

Едем на очередной семинар в Подмоскowie. Я заезжаю за Лидией Борисовной на машине. Она, с палкой в руке, тяжело спускается по ступенькам знаменитого писательского дома в Лаврушинском — уже несколько месяцев ее серьезно беспокоит нога. Медленно, в несколько приемов, усаживается в машину. Говорит:

— Я теперь, когда сажусь в машину, вспоминаю своих правнуков. Они учатся в такой школе в Израиле, которая называется “Школа радости”. И в программе есть уроки русского языка. Они там выучили и повторяют во время зарядки такой стишок: “Ножку правую вперед, ножку левую назад, а потом еще вокруг и немного потрясти”.

По дороге на Истру я рассказываю про наш вчерашний потоп (прорвало батарею парового отопления), как мы полночи боролись со стихией — благо, в гостях очень кстати оказался приятель из Америки, в советском прошлом инженер-механик...

Лидия Борисовна на это:

— Скажите спасибо, что у вас воду прорвало, а не что другое. У меня однажды прорвало канализацию, я думала, что сойду с ума. Хорошо, что за столько лет советская власть приучила нас жить в говне... а то бы даже и не знаю, как справилась...

Когда на другой день вечером возвращаемся, я помогаю ей подняться по ступеням к двери в парадное, входим, она осматривается и говорит деловито:

— Как тут намусорено! Надо завтра подмести.

Я, пораженно:

— Лидия Борисовна! Неужели, кроме вас, никому в парадном подметать!

Она, спокойно и удивленно:

— Ну а что такого... У меня есть большая хорошая метла... Завтра и подмету...»

* * *

«...В гостях у нас Л.Б. с друзьями из Израиля — симпатичной супружеской парой. На звонок я открываю дверь и, как всегда, искренне ахаю — какая она красивая! Лицо ясное, гладкое. Глаза карие и спокойные.

Одета, как всегда продуманно — “в цвет”, с украшениями. Сегодня это кораллы.

Я помогаю снять пальто и замечаю, что этого пальто еще не видела.

— А оно новое. Купила его вчера за три минуты. Ошиблась остановкой, надо было вернуться и пройти сквозным проходом на соседнюю улицу. Я вошла, а в проходе оказался магазин. И это пальто прямо так и висело. Я надела и сразу купила. Так и вышла. Сейчас в Москве удобно от слежки уходить:ходишь в одни двери в старом пальто, выходишь в другие — в новом...

За столом разговор о том, о сем.

16 Л.Б. говорит:

— Умер знаменитый скульптор, К. Я его терпеть не могла! Понаплодил этих Лениных, Марксов...

Тут Борис вспомнил, что когда К. долбил глыбу, из которой ваял очередного Маркса на одной из центральных площадей Москвы, какой-то пьяный скульптор околачивался вокруг и уговаривал: «Лева, не порть камень!»

Заговорили о художнике Е., которому исполнилось 102 года. Его показывали в телевизионной передаче: вполне бодрый старик, сообщил, что по утрам приседает по 400 раз. Напоследок даже проделал несколько танцевальных па перед ошеломленными ведущими.

Лидия Борисовна усмехнулась и вспомнила, что именно Е. рассказывал: в первые годы НЭПа бойко продавались футляры для ножичков, на которых был изображен Карл Маркс, идущий за плугом. Картинка подписана: “*Основоположник марксизма пахает*”.

Боря сказал:

— Но какова энергия! Каждый день он приседает 400 раз.

— Может, 4 раза? — усомнилась я.

— Все врет, — заявила Л.Б. — Всю жизнь врал.

...Поздно вечером стали расходиться, Боря предложил пойти, пригнать такси.

Л.Б. сказала, что у нее есть знакомый таксист Володя, который стоит с машиной обычно где-то на Ордынке. Сначала он подвозил ее несколько вечеров подряд, так случайно получилось. Совпадение.

Л.Б:

17

— Он, вероятно, подумал — вот сумасшедшая бабка с клюкой, все время куда-то шляется: сегодня в ВТО, завтра в ресторан, послезавтра в ЦДЛ... Потом познакомились ближе. Он дал номер своего мобильного, и я, если задерживаюсь где-то допоздна, звоню ему и вызываю. И он приезжает...

Она стояла в прихожей в новом пальто молодежного покроя с лихими какими-то крыльями — маленькая, сутулая, с лукавым молодым лицом...»

* * *

Недавно я подумала — а знал ли таксист Володя, кого возил? И понял ли, что «сумасшедшая бабка с клюкой» больше не позвонит? Или удивляется — мол, куда пропала, — и ждет звонка до сих пор?

Она вернулась из очередной поездки с группой писателей по Сицилии. Выглядела очень довольной, говорила, что усталость приятная...

Достала из чемодана сувениры, безделушки, всякую «красоту», которую так любила, расставила по полочкам, любовалась... Сказала дочери Лоле: «Завтра меня не будите, завтра буду долго спать...»

Когда назавтра, отперев своим ключом дверь, дочь вошла в квартиру в Лаврушинском, она уже на пороге ощутила пронзительную, особую тишину и — пустоту...

Уютно горела настольная лампа... Видно, перед тем как заснуть навсегда, Лидия Борисовна Либединская читала... На задней обложке книги, которая вы-

18 пала из ее руки, было помещено стихотворение Александры Истогиной.

И стихотворение, и эпическая высота ситуации заслуживают того, чтобы привести эти строки целиком:

Когда мой дух растает
В рассветной тишине
И новый день настанет,
Забудьте обо мне.

Угасла с жизнью дружба,
И не скорблю о ней.
И памяти не нужно.
Забудьте обо мне.

Кого легко любила,
Сгорели, как в огне.
Наш новый дом — могила.
Забудьте обо мне.

Простите, не взыщите,
Но даже и во сне
Не надо, не ищите.
Забудьте обо мне...

* * *

И все же, все же... память не хочет успокоиться и все ворошит, ворошит не такие уж и частые встречи, какие-то, в общем, незначительные слова, совместные поездки.

Однажды Лидия Борисовна в разговоре упомянула, что восстановлено Шахматово, родовое име-

ние Блока. Вот было бы здорово съездить. Я подхвати- тилась, мы уговорились на ближайшие выходные и поехали. День был солнечный, синеглазый, начало лета...

По дороге Л.Б. рассказывала, как чуть ли не со- рок лет назад впервые сама приехала сюда, на пепе- лище Блоковской усадьбы. Добиралась с приключе- ниями, сначала электричкой, потом на попутке... Долго шла пешком по лесу, чуть не заблудилась. На- шла обгорелый фундамент по трем березам, расту- щим в поле на пригорке. Посидела среди кустов, в тишине, под высоченным серебристым тополем, по- добрала осколок кирпича от фундамента сожженно- го дома и привезла Чуковскому. Старик прижал этот осколок к щеке, проговорил: «Я ни разу не выбрался туда к Блоку, а ведь он меня звал приехать»...

Л.Б. спросила: «Корней Иванович, неужели ни- когда не восстановят этот дом?»

Он ответил: «Лида, в России надо жить долго».

Этот разговор происходил в 65-м году прошлого века. И вот минуло каких-нибудь сорок лет — и име- ние восстановлено, солнце играет в цветных стеклах библиотеки и комнаты для гостей, по окрестным де- ревням поштучно собрано награбленное когда-то бекетовско-блоковское добро... Тот же огромный се- ребристый тополь над домом, кусты сирени и ши- повника... Хорошо жить в России долго!

В прихожей дома-музея я увидела на стене па- мятную доску с выбитыми на ней именами писате- лей и общественных деятелей, кто боролся за восста- новление Шахматова и добился этого.

— Лидия Борисовна, тут и ваше имя!

— Ну да, ну да... — сказала она, как отмахнулась.

20 Потом мы спустились с пригорка на поляну, усе-
лись на спиленных бревнах, достали бутерброды, со
вкусом пообедали...

 Когда в Москве уже катили по Тверской, Л.Б.
рассказывала историю чуть ли не каждого дома, ми-
мо которого ехали... И напоследок, в Лаврушинском,
когда я помогала ей выйти из машины, сказала:

 — Я так счастлива, что выбралась к Блоку! Вряд
ли еще когда-нибудь придется...

 И я тут же горячо возразила — мол, какие наши
годы, Лидия Борисовна, что там, еще поедем, поко-
лесим...

 С того дня прошло несколько лет, и сейчас, вспо-
миная нашу вылазку, я ловлю себя на том, что весь
этот день — весь! — ощущаю как цельный кристалл
прозрачного счастья...

По дороге из Гейдельберга

Леониду и Галине Межибовским

Кусками желтой халвы мелькнули жернова пресованного сена.

Очередной туннель всосал поезд с ухающим воем, раскачал в черной рябой утробе, выплюнул — и по горным склонам, подсакивая, рассыпались черепичными гроздками городки с неременной пикой на панцирном шлеме кирхи.

Время от времени промахивали заброшенные заводы с осколками солнца в разбитых стеклах — слюдяная парча, за которой угадывалась тьма. Почему в покинутых зданиях, где бы они ни встретились, обязательно разбиты окна?

Мое отражение плавало в солнечном мареве за окном, и деревья, городки и замки проносились сквозь мои отраженные глаза, плывущие по-над Рейном.

Несколько лет спустя от всей этой поездки остались только жемчужный мартовский день в старинном Гейдельберге.

Меня давно обещали свозить туда друзья, супружеская пара, лет пятнадцать живущая в Германии; и в единственный свободный от выступлений день я оказалась у них во Франкфурте, откуда уже до Гейдельберга было рукой подать.

Друзья, задумавшие показать мне товар лицом, все сокрушались, что погода не задалась. А по мне, так задалась весьма! Обитатель библейских скал, объятых безжалостным светом пустыни, — я так люблю эти матовые небеса умеренной Европы...

Да и в ином смысле весь этот день — череда туманных пейзажей, графика голых ветвей и ощеренные пиками елей черные пасти ущелий — выстроился так продуманно и точно, словно некий режиссер долго набрасывал мизансцены на бумаге, переставлял их местами, чиркал что-то, вновь дописывал, но, подумав, убрал лишнее и наконец, удовлетворенно откинувшись в кресле, велел собрать труппу.

И мы собрались, и после завтрака все же поехали, несмотря на дождь...

В гору, с которой открывался вид на весь Гейдельберг, рассыпанный по берегам реки, взбирались долго, витыми улочками с педантично расставленными на них указателями: «Кёнигштуль» — смешное, школьное, легко переводимое название...

Наконец выкрутили на лесистую макушку, частью заасфальтированную под стоянку.

Для ослабевших от восторга туристов здесь был построен ресторан, к дверям которого по рельсам, проложенным от подножия горы чуть ли не вертикально, тяжело и долго вползала старинная вагонет-

ка — желтая, с тремя ступенчато расположенными дверьми. Когда мы подошли к парапету, она только едва желтела среди елей внизу. Мы успели приблизить и исследовать в огромную подзорную трубу на высокой подставке старинный арочный мост с башенными воротами, полуразрушенный замок, знаменитый университет... а вагонетка все ползла и ползла — гудели рельсы, повизгивали провода — и наконец вкатилась, вывалив на гору пассажиров тремя пестрыми языками...

Потом мы проехали к замку — величественным развалинам крепости династии Виттельсбахов, разрушенной некогда войсками Людовика Четырнадцатого: циклопической толщины стены, в разломах — краснокирпичный испод, проросший давней травой.

Целый город, обнесенный рвом. Множество стилей сплеталось на огромном этом пространстве. Людвиги, Фридрихи, Генрихи тшили увековечить свое имя в башнях, рвах, подъемных мостах и гигантских винных бочках... Когда-то здесь была резиденция одного из блистательных дворов Германии... Увы — все пошло прахом. Хорошо, подробно, на совесть воевали в прошлых столетиях: крепость взрывали в какой-то старинной войне, сжигали... в нее попадали молнии... Династия Виттельсбахов беднела, не в силах каждый раз восстанавливать обширное это хозяйство; замок приходил в упадок и запустение... И только в девятнадцатом веке городские власти, спохватившись, принялись что-то реставрировать, заделывать, подстраивать там и сям...

24 Моя бабушка, когда я в детстве являлась со двора с прорехой в майке или штанах, говорила, вдевая нитку в иголку: «А вот мы сейчас прихватим на живульку». Долгие десятилетия эти живописные развалины немецкого Ренессанса «прихватывались на живульку», но в конце концов городские власти отстроили непременно ресторан, выставочный зал и помещение для администрации «Фонда друзей замка». Эх, создать бы этот фонд друзей до того, как взрывались пороховые бочки, летела за стены горящая пакля и ухали, содрогаюсь, пушки «Короля-Солнце»... Да что поделаешь!

— ...Кроме того, каждое лето здесь проводятся музыкальные и театральные фестивали, — добавил мой друг. — Декорации-то вон какие — роскошные, натуральные, романтические!.. Представь какую-нибудь «Риголетто» или «Аиду» летним вечером на фоне той башни!

Долгий выдох тумана расплзался по каменным террасам... Великолепный замковый парк, расходящийся по склонам, изумлял гигантскими деревьями, изумрудными от сырого мха, и фонтаном, в котором полулежал большеголовый мраморный Нептун, похожий на лешего из русской сказки, — с лишаями плесени на плечах и зеленоватой бороде... То было царство влаги, белых кувшинок на зеленой ряске воды...

Таблички вдоль дорожек, посыпанных мелкой галькой, предупреждали о том, что с наступлением темноты следует осторожно передвигаться, дабы не наступить на лягушек. Можно вообразить, что здесь

творилось летними гремящими ночами и как безжалостно давили лягушек ноги очередного юного Виттельсбаха, какого-нибудь влюбленного Фридриха, припустившего вдогонку за мелькающей среди кустов юбкой какой-нибудь Элизабет Стюарт...

Мы спустились и долго гуляли под теплым дождем по блестящей черной брусчатке Старого города...

Завтракали на крытой террасе модного отеля, в доме семнадцатого века, перелопаченном классными дизайнерами так, что любо-дорого: посреди зала среди столиков росло дерево, выплескивавшее макушку кроны в квадратное окно стеклянной крыши, повсюду на полу расставлены лампы в форме больших белых репьев, и маленький бронзовый Пан со свирелью у козлиной бородки, весело приподнимая одно бронзовое копытце, но твердо упираясь в камень другим, прислушивался к журчанию воды в миниатюрном фонтане.

В уютном, изысканно обставленном фойе висели на стенах средневековые гравюры. Я отлучилась в туалет и по пути обратно задержалась у одной из них, на которой была изображена расправа то ли над неверной женой, то ли над бесчестной девицей. Несчастную прикрутили длинными волосами к оглобле телеги и готовы уже были пустить коня вдоль по улице. Кнут в руках дюжего малого поднят... Толпа вокруг с жадным интересом наблюдает за действием... М-да...

26 ...А обедали уже за городом, в винарне. Это был приземистый деревенский кабачок: прокопченные балки низкого потолка, винные бочки вдоль беленых стен...

Два музыканта — очевидно, поляки: они подозрительно хорошо говорили по-русски — бродили от стола к столу, наигрывая на гармошке и скрипке мелодии тех стран, к которым безошибочно относили клиентов. Для нас, например, заговорщицки подмигивая и склоняя к нашим плечам скрипичный гриф, сыграли «Подмосковные вечера», а для шумной компании итальянцев за соседними сдвинутыми столами — «Вернись в Сорренто»... Мы молча выслушали преподнесенный нам пряник и так же молча дали на чай пять евро; итальянцы же вдохновенно подпевали, дирижировали, не отпускали музыкантов, один отобрал у гармониста инструмент и под хохот приятелей пытался что-то из него извлечь...

В обратный путь тронулись в том же морозящем дожде, путаясь в длинных языках батистового тумана, ползущего с гор и бинтующего пики отборных, как строй гренадеров, неподвижных елей. Мокрые петли опасной дороги крутили автомобиль, как щепку. Клубни тумана восходили из черных щетинистых ущелий, на вершинах проплывали развалины башен, и время от времени слева разворачивалась долина с очередным белым городком, утонувшим в пенном туманном облаке по самые черепичные и сланцевые крыши.

По дороге мои друзья долго спорили, куда напоследок меня завезти — в некий замок, где, по слухам, владелец, старый граф, одинокий бездетный аристократ, допускал туристов в свои владения за небольшую мзду, — или в городок Михельштадт, где, как мне объяснили, издревле жили еврейские ремесленники... Я не вмешивалась в их спор, мне было все равно, куда ехать, не от равнодушия — от тихого блаженства, в которое я была погружена с утра, как низинные городки погружены были в туман по самые крыши.

Наконец, решили в пользу ремесленников — оно и ехать ближе, пока еще свет не вовсе ушел...

И минут через десять мы уже парковали машину неподалеку от стеклянного куба «Макдоналдса», одиноко стоявшего на обочине дорожной развязки.

Поодаль, в двух сотнях шагов, тянулась каменная стена средневековой кладки.

Нырнув в низкую и глубокую, как бочка, арку ворот, мы вынырнули на площади одного из тех туристических городков, будто срисованных с картинок из книги «Сказок братьев Гримм», каких рассыпано по Германии немало.

Все тут было, как полагается: крошечная площадь с фонтаном, здание ратуши, старинные фахверковые, перечеркнутые черными балками, дома — словно опившиеся пивом и потому слегка завалившиеся на спину. Фасады иных были покрыты граффити. На первых этажах размещались сувенирные лавки, бары, кондитерские — все тесное, кукольное, будто строители заранее тщились втиснуть все здания в кольцо городской стены.

28 Март, сумерки, отсутствие туристов... А горожане в это время уже укладываются спать — немцы рано начинают рабочий день.

Мы брели по городку, совершенно пустынному, если не считать двух-трех завсегдатаев баров, одиноко сидящих над кружкой пива в освещенном окне.

Мой друг, который непременно хотел отыскать и показать мне местную синагогу (все мои друзья в Германии почему-то одержимы желанием продемонстрировать мне какую-нибудь синагогу или, что чаще, — место, где она когда-то стояла) шел, озираясь в поисках какого-нибудь прохожего.

Наконец, из темной боковой улочки показалась женщина, и мой друг ступил с тротуара ей навстречу, обратился по-немецки. Та охотно ответила, стала объяснять и показывать, но запуталась, махнула рукой и — так я поняла — взялась отвести нас.

— А вы не русские, часом? — вдруг спросила она с надеждой.

Мы радостно отозвались.

— Ох, ну какая же удача у меня сегодня! — воскликнула она. — Вот я с утра чувствовала, — что-то хорошее случится... А я, знаете, так тоскую по русскому языку, иногда подкарауливаю группы туристов, тихонько так пристроюсь сбоку и брожу с ними по городу, заодно и гида слушаю... Я поэтому все памятники здесь знаю, и все факты истории...

Она вела нас скудно освещенными, уже погруженными в глубокие сумерки улочками, по пути оживленно выясняя — откуда мы, и сколько лет в Германии, и как мы тут вообще?

— Ну что Израиль против нас? — спросила она меня. Я сделала вид, что не поняла вопроса. — В

Содержание

В России надо жить долго... ..	5
По дороге из Гейдельберга	21
Гладь озера в пасмурной мгле	38
Белый осел в ожидании Спасителя	83
Коксинель	126
Вилла «Утешение»	161
Воскресная месса в Толедо	196
Джаз-банд на Карловом мосту	263
Время соловья	295